

Прот. К. А. Костромин
Санкт-Петербургская духовная академия,
Санкт-Петербург, Россия. k.a.kostromin@mail.ru

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ О СТРАСТОТЕРПЦАХ ВОСТОЧНОЙ И СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

(*Malmenvall S. Ruler Martyrs on the Periphery of Medieval Europe:
Boris and Gleb of Kievan Rus', Jovan Vladimir of Dioclea, and Magnus Erlendsson of Orkney.
Belgrade: Faculty of Orthodox Theology, 2021. – 145 p.*)

В 2021 г. в Белграде выпущена монография Симона Малменвалла, посвященная страстотерпцам Восточной и Северной Европы в Средние века. В исследовании проведен сравнительный анализ исторических сведений о свв. Борисе и Глебе, Йоване Владимире Диоклейском и Магнусе Эрлендссоне из Оркни. Обращение к историческим сюжетам, стоящему за ними богословскому смыслу и анализу источников очень своевременно для зарубежной историографии, а для российского читателя ценным является детальный анализ жизнеописания Магнуса Оркнейского в контексте темы королей-мучеников.

Ключевые слова: историография, страстотерпцы, Борис и Глеб, Йован Владимир из Диоклеи, Магнус Эрлендссон

Исследование Симона Малменвалла посвящено актуальной теме – сравнительному анализу богословских, исторических и культурных смыслов и обстоятельств подвига страстотерпцев Восточной Европы – Бориса и Глеба Киевских, Йована Владимира из Диоклеи и Магнуса Эрлендссона Оркнейского. В последние десятилетия проблемы межцерковных культурных и юрисдикционных контактов, влияний христианских традиций друг на друга и формирования на стыке крупных христианских культурных общностей оригинальных форм церковного самосознания занимают важное место в исторических, филологических, семантико-культурных, богословских и иных междисциплинарных исследованиях. Дополнительный стимул к изучению этих тем, особенно связанных с феноменом страстотерпчества в ранней христианской истории славян и скандинавов, несколько лет назад дали тысячелетние юбилеи святых Бориса и Глеба и Йована Владимира [Костромин, 2018; Харди, Божанић]¹. Исследование Симона Малменвалла имеет широкий научный контекст и укладывается в традицию изучения феномена страстотерпчества, актуальную для современной науки.

Книгу открывает детальный обзор источников. Разумеется, объем работы не дает автору возможности уделить внимание сложностям создания и бытования текстов, их рукописной традиции, обстоятельствам появления, однако обзор помогает читателю оценить, насколько велико литературное наследие, посвященное святым, а также как соотносятся между собой различные источники. Несколько более углубленно проблемы соотношения источников изложены в главах, посвященных самим страстотерпцам.

Историографический обзор достаточно лаконичен, но и он, насколько могу судить, подобрал в себя самые значимые работы по рассматриваемой теме. Благодарю Симона за внимание к моим работам, однако считаю, что их место в историографии борисоглебской тематики достаточно скромное. Значительно важнее было бы автору познакомиться с книгой М. Ю. Парамоновой «Святые правители Латинской Европы и Древней Руси» [Парамонова]. Это крупный и очень

¹ Литературы о Борисе и Глебе и о Йоване Владимире появилось в юбилейный и последовавшие за ним годы достаточно много. Интересно, что 1100-летний юбилей св. Вацлава в 2008 г. в чешской историографии не поставил вопрос о типологической связи с иными культурами: [Svatý Václav, особенно s. 51–64].

качественный труд на данную тему. К сожалению, он исключительно труднодоступен: экземпляры есть только в некоторых библиотеках России, отсутствуют в Интернете и купить его невозможно. Борисоглебская историография огромна, но среди всего обилия работ г-н Малменвалл выбрал наиболее важные. После работ Георгия Петровича Федотова, который наиболее близко подошел к религиозному осмыслению подвига Бориса и Глеба (а при некотором расширении – и ко всем страстотерпцам той эпохи) в контексте идеи кенозиса, в последние годы об этом интересно писал профессор Петербургского университета, а ныне – Санкт-Петербургской духовной академии А. В. Петров [Петров].

Отдельно рассмотрен С. Малменваллом исторический контекст эпохи. Пересказывая его, он следует тем историческим источникам, которые привел двумя главами выше. Ситуация видится более сложной, чем она показана в книге, если учитывать развитие историографии. Так, историки все сильнее сомневаются в том, что именно Святополк (или что только он) был организатором убийств Бориса и Глеба. Подобное сопоставление разноречивых показаний источников автор продемонстрировал на примере Йована Владимира. Ситуация с Магнусом столь же потенциально сложна, если учесть разновременность создания Жития Магнуса и *Orkneyinga saga*, прошедшей длительную историю формирования, в том числе в форме эпоса.

В двух следующих главах автор разбирает содержание «Чтения о Борисе и Глебе» преп. Нестора Летописца и обобщает сведения о почитании Бориса и Глеба на Руси и за ее пределами (не упоминая Чехию, что является несомненным упущением), делая акцент на богословском анализе содержания «Чтения». Так, очень важными представляются мне наблюдения, что «несмотря на неоспоримое признание святости двух братьев, Нестор в своем “Чтении” напоминает о первоначальной трусости Глеба и, следовательно, о нравственной неполноценности по отношению к старшему и, по-видимому, более зрелому брату Борису... В понимании несторовского “Чтения” пример отказа Бориса от сохранения жизни принимает форму политического предостережения, обращенного к поведению некоторых русских князей второй половины XI века, которые в своей борьбе за власть часто бежали в чужие земли только для того, чтобы вернуться домой с иностранными войсками, с помощью которых они в конечном итоге одерживали победы над представителями своей же династии. Поэтому Борис как тип святого не соответствует принципам абстрагированных религиозных идеалов; вместо этого его история представляет собой попытку дать ответ на текущие политические дилеммы того времени, когда было написано его житие» [Malmenvall, p. 45–46]. Представляется, что богословский анализ, который, конечно, можно будет впоследствии углубить, – очень ценный элемент монографии. Было бы небесполезно обратиться и к литературе, имеющей косвенное отношение к темам, которые г-н Малменвалл затрагивает в этих главах. Это работы, посвященные паломничествам (поскольку в 7-й главе затрагивается вопрос об упоминании храма в память свв. Бориса и Глеба около Константинополя в Хожении Добрыни Ядрейковича – архиепископа Антония), семантическим связям литературных произведений, династическим связям и княжескому именованию и ряду других проблем.

Блок глав, посвященных св. Йовану Владимиру, начинается с конспективного изложения житийной вставки в Летопись попа Дуклянина с богословским комментарием. Автор детально разбирает сопоставление Йована Владимира с Добрым Пастырем, показывая, что такое сопоставление несвойственно образам Бориса и Глеба. От себя могу отметить, что для этого есть существенное основание. Автор Повести временных лет, удачно вписавший агиографическую традицию в летописный контекст, не уделял сколь-либо заметного внимания иным городам и княжествам, кроме Киева, если события в них не были связаны непосредственно с киевскими (не считая еще Новгорода). Поскольку ни Борис, ни тем более Глеб не связаны

с управлением Киевом и история их жизни мало связана с историей столицы на Днестре (один был номинально Ростовским князем, другой – Муромским), то истории их правлений в уделах не входили в сферу интересов летописца. Авторы житийных произведений также практически не интересовались обстоятельствами их правлений. Их интересовало разве что становление их как будущих мучеников. Йован Владимир же, напротив, показан именно как правитель, что делает сопоставление его с Добрым Пастырем (пасущим овец, то есть управляющим ими) совершенно уместным. Этот момент подчеркнут эпизодом со змеями, делающим историю Йована Владимира многосюжетной, в то время как в агиографической традиции Бориса и Глеба все детали служат упрочению одного-единственного сюжета. В этой связи подчеркиваемая Симоном Малменваллом параллель сюжета со змеями ветхозаветной истории с медным столбом, имеющей мессианское значение, совершенно убедительна.

Еще одна деталь сопоставления Бориса и Глеба (а также далее – Магнуса), с одной стороны, и Йована Владимира – с другой, затронутая в исследовании вскользь, нуждается в дополнительном раскрытии – это образ убийц. Если в случае с Борисом и Глебом подчеркивается вероломность братоубийства, заставляющая вспомнить параллель с Каином и Авелем, то в ситуации с Йованом Владимиром сопоставление связано с предательством, в котором высвечивается параллель с Иудой Искаротом. В самом деле, если в киевской истории сама кровная связь убийцы и жертв подсказывает агиографу путь осмысления, заставляя отказаться от описания жизненного пути (который не имеет прямого отношения к факту братоубийства), то в истории Йована Владимира такого многообещающего основания нет, и автору легенды приходится (если соглашаться с мнением исследователя, что агиограф Йована Владимира был знаком с агиографическим канонем Бориса и Глеба, что все-таки, к сожалению, неочевидно) выстраивать параллель с евангельским повествованием, в котором жизнь Иуды и Спасителя переплелись задолго до момента предательства, предопределив его трагизм. Если так, то необходимо уделить внимание образам Святополка – Каина (потому и Окаянного [Успенский, с. 22–39]) и Ивана-Владислава – Иуды, так как противопоставление Святополка святым братьям многое добавляет к чертам их подвига, равно как противопоставление Ивана-Владислава (а до того – Самуила) Йовану Владимиру подчеркивает духовное различие между ними. Однако можно согласиться с недекларированным, но очевидным из повествования С. Малменвалла выводом, что параллели образа Христа с Йованом Владимиром значительно прозрачнее, чем аналогичная параллель с образом Бориса.

В отдельной главе рассматривается история почитания св. Йована Владимира. Такой главы о Борисе и Глебе нет, очевидно, потому что как в литературе, так и в сводных справочных изданиях этот вопрос изложен весьма подробно (см., например: [Назаренко и др.]). Впрочем, почитание Йована Владимира также изучено довольно хорошо. В этой главе проводится мысль о некотором параллелизме почитания св. Йована Владимира и Симеона (Стефана Неманя). Если искать параллелизмы в ситуации с Борисом и Глебом, то таковые уже в целом в науке вскрыты и изучены (хотя такого рода исследования начались сравнительно недавно и здесь еще могут быть весьма интересные сюрпризы). Разговор о почитании дает основание сделать важное добавление, которое, к сожалению, упустил автор. Речь идет о литературном памятнике «Сказание чудес святыю мученику Роману и Давыду». Аналогичный сборник чудес Йована Владимира, нужно думать, тоже существовал прежде, но до наших дней не дошел [Malmenvall, p. 71]. Рассмотрение этого сборника, очень раннего по времени появления, важно потому, что он позволяет получить представление не столько о подвиге Бориса и Глеба, сколько о его осмыслении и переживании, выразившихся в поклонении святым, и потому там содержится информация о формах и масштабах почитания страстотерпцев. Однако нетрудно

понять, что наличие такого сборника в одном случае и отсутствие такового в другом может создать некоторый перекосяк в исследовании – сохранившийся памятник проигнорирован, а отсутствующий подвергнут обсуждению. Кроме того, это понуждает перенести смысловой центр тяжести с самого подвига и его непосредственного осмысления, пусть и через призму описания в агиографических произведениях, на сугубый субъективизм переживания их подвигов потомками, в котором «тонет» как таковой сам исторический сюжет. Симон Малменвалл сознательно и последовательно уходит от субъектного ракурса, предпочитая максимально объективизировать предмет обсуждения. Наверное, именно это обстоятельство заставило его отказаться от рассмотрения столь важного источника, а также свести историю почитания к некоторым фактам и сюжетам как в отношении Бориса и Глеба, так и в отношении Йована Владимира.

Еще одна глава посвящена Магнусу Эрлендссону. Сразу следует отметить: российская историография в целом прошла мимо истории этого норвежского святого и уж тем более в ней не уделено сколь-либо серьезного внимания религиозным элементам его жизнеописания². Образ Магнуса в первой главе из этого блока сопоставлен с образом св. Вячеслава (Вацлава) Чешского. Само по себе это сопоставление кажется убедительным, однако без ответа остается вопрос, почему чешскому святому не посвящено в книге отдельных глав, как Борису и Глебу, Йовану Владимиру и Магнусу.

В богословском комментарии, касающемся рассмотрения образа Магнуса, есть очень верные замечания, например: «Когда “божественная логика” рассуждений Магнуса сталкивается с “профанным прагматизмом” его мирских оппонентов, когда его поступки представлены без объяснения их сакрального смысла, его житие порой граничит с нелепостью...» [Malmenvall, p. 82]. Это замечание в равной степени справедливо ко всем персонажам, которым посвящена книга г-на Малменвалла. Определенный интерес представляет изучение богослужебных текстов, которые цитируют или в рамках которых действуют страстотерпцы, и сюжетного их упоминания. Оказавшиеся в центре внимания правители своей смертью утверждают не только христианскую идею, но и церковную традицию. Также убедителен вывод исследователя о связи образа святого целомудренного воина Магнуса и крестовых походов, в которых участвовали его ближайшие родственники и потомки [Malmenvall, p. 90].

В 12-й главе, содержащей обобщение рассмотренных выше образов святых в рамках собирательного типа «короля-мученика», характерного для Восточной Европы, автор формулирует важный тезис о роли этих святых «в воспитании христианской идентичности своих относительно недавно христианизированных династий и родины» [Malmenvall, p. 95]. Можно заметить, что только Йован Владимир жил, правил и погиб в стране, интенсивная христианизация которой к моменту его гибели уже завершилась. Борис, Глеб и Магнус были свидетелями официального крещения страны, когда учреждались первые, еще робкие, фактически потестарные церковные структуры [Christianization, p. 30–37; Костромин, 2017]. Таким образом, противостояние христианской морали правителя устаревшей «нравственности» языческой поры здесь накладывается на процесс христианизации. Борис, Глеб и Магнус (и Вацлав – добавим от себя) показаны теми носителями христианского понимания жертвенности, которое обладает огромным воспитательным зарядом для остальных новопросвещенных князей. Поэтому автор прав, утверждая, что «феномен святых правителей-мучеников... не только позволил новообращенным правящим династиям и их землям позиционировать себя в истории

² Переводы фрагментов саг, касающихся связи Магнуса Эрлендссона и Руси, публиковала Т. Н. Джаксон (Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия. М., 2009. Т. 5. Древнескандинавские источники / Под ред. Т. Н. Джаксон, Н. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. С. 163, 184). В российской литературе он почти не упоминается.

христианского спасения, но и поместил их в символический центр европейской культуры того времени» [Malmenvall, p. 95]. Равным образом, глубокое основание и большие перспективы имеет утверждение, что «Рассматриваемые князья-мученики, замещавшие апостолов и древних мучеников, служили престижным подтверждением религиозной “зрелости” этих Поместных Церквей и, следовательно, стимулом к их (большей) будущей самостоятельности» [Malmenvall, p. 98], особенно если учесть, что создание начальной русской церковной структуры в современной историографии все чаще рассматривается как попытка сразу создать автокефальную церковь (см.: [Подскальски, с. 44; Костромин, 2015, с. 70–71]).

Сопоставление Бориса и Глеба с Вацлавом Чешским для российской историографии является традиционным. Добавление в типологический ряд Йована Владимира встречается значительно реже. Попытки найти сходную фигуру в скандинавской истории, как правило, приводят к иным сопоставлениям: на роли сходных персонажей претендуют Олаф Норвежский, Эрик Шведский, Харальд Гилли [Боровков, с. 180–198; Святые князья-мученики, с. 15–33]. Магнус Оркнейский фигурировал в качестве исторического персонажа или литературного героя, который мог бы быть сопоставлен с кем-либо из королей-мучеников средневековой Европы, в литературе только дважды: впервые его упомянул Н. Ингэм, затем его мысль несколько развила Н. И. Милютенко [Святые князья-мученики, с. 22–23, 28], хотя детального сопоставления никто не проводил.

Подводя итог, можно констатировать, что исследование Симона Малменвалла посвящено весьма актуальной теме, имеющей солидную историографию. Автор несомненно знаком со значительной ее частью, хотя при изучении основных глав исследования отдельно от историографического обзора не очень понятно, что именно и в каком объеме было использовано им при подготовке книги. Местами источник сведений или идей лежит на поверхности, но не всегда. Автора можно поблагодарить за то, что англоязычный читатель Восточной Европы сможет теперь познакомиться с темой «королей-мучеников» более детально. При этом несколько искусственное сведение в разные блоки глав сведений и размышлений о свв. Борисе и Глебе, св. Йоване Владимире и св. Магнусе Эрлендссоне (св. Вацлав остался «за скобками») оставляет открытым вопрос о детальном сопоставительном анализе (по моему мнению, одной главы для этого сопоставления несколько маловато). Наиболее ценным здесь является добавление в типологический ряд «страстотерпцев» XI–XII вв. Магнуса Оркнейского и подробное сопоставление его литературно-исторического образа с образами свв. Бориса и Глеба и св. Йована Владимира. По крайней мере, для русских исследователей и читателей такое рассмотрение является почти открытием и, следовательно, может быть расценено как серьезный вклад в изучение данной проблемы. Наконец, следует отметить, что важным, если не центральным, элементом анализа было выявление богословской составляющей в проблеме «страстотерпца Восточной Европы» как типа святости, и в этом отношении исследование Симона Малменвалла, безусловно, новаторское. Сделать это было возможно только с опорой на данные исторической науки, источниковедения, литературоведения, что автор продемонстрировал в полной мере. Можно надеяться, что г-н Малменвалл продолжит исследования данной темы и учтет пожелания, высказанные в рецензии.

Литература

- Боровков Д. А. Убийство Бориса и Глеба. От средневековых репрезентаций к современным интерпретациям. СПб., 2016. 222 с.
- Костромин К. Конфессиональная поликультурность Киевской Руси начала XI века // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. СПб., 2015. Вып. 3. С. 48–75. DOI: 10.24411/9999-0702-2015-00003
- Костромин К. А. Потестарность и христианизация Руси // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. СПб., 2017. Вып. 7. С. 93–101. DOI: 10.24411/2618-9674-2017-00033
- Костромин К. Владари-мученици у словенским земљама у периоду покрштавања Источне Европе // У спомен и славу светог Јована Владимира. Књ. 6-1. Међународни научни скуп „Свети Јован Владимир кроз вјекове – историја и предање (1016–2016)“, Бар, 15–17. септембар 2016. Године. Цетиње, 2018. С. 81–104.
- Назаренко А. В., Серегина Н. С., Турилов А. А., Павлинов П. С., Флоря Б. Н., Смирнова Э. С. Борис и Глеб // ПЭ. М., 2003. Т. 6. С. 44–60.
- Парамонова М. Ю. Святые правители Латинской Европы и Древней Руси: сравнительно-исторический анализ вацлавского и борисоглебского культов. М., 2003. 405 с.
- Петров А. В. Владимир Святославич и его сыновья в контексте норманнского вопроса // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. СПб., 2015. Вып. 3. С. 8–30. DOI: 10.24411/9999-0702-2015-00001
- Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.) / Пер. А. В. Назаренко; Под ред. К. К. Акентьева. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1996. XX, 572 с.
- Святые князья-мученики Борис и Глеб / Исслед. и подгот. текстов Н. И. Миаютенко. СПб., 2006. 432 с.
- Успенский Б. А. Борис и Глеб: Восприятие истории в Древней Руси. М., 2000. 124 с.
- Харди Ђ., Божанић С. Свети Владари Јован Владимир и Борис и Глеб у светлу њихове историјске епохе // У спомен и славу светог Јована Владимира. Књ. 6-1. Међународни научни скуп „Свети Јован Владимир кроз вјекове – историја и предање (1016–2016)“, Бар, 15–17. септембар 2016. Године. Цетиње, 2018. С. 117–130.
- Christianization and the Rise of Christian Monarchy. Scandinavia, Central Europe and Rus' c. 900–1200 / Ed. by N. Berend. Cambridge, 2010. 444 p.
- Malmenvall S. Ruler Martyrs on the Periphery of Medieval Europe: Boris and Gleb of Kievan Rus', Jovan Vladimir of Dioclea, and Magnus Erlendsson of Orkney. Belgrade, 2021. 145 p.
- Svatý Václav. Na památku 1100. Výročí narození knížete Václava Svatého / Ed. P. Kubín. Praha, 2010. 450 s.

References

- Borovkov, D. A. Ubiistvo Borisa i Gleba. Ot srednevekovykh reprezentatsii k sovremennym interpretatsiyam [The Murder of Boris and Gleb. From Medieval Representations to Modern Interpretations]. Saint Petersburg, 2016. 222 p.
- Christianization and the Rise of Christian Monarchy. Scandinavia, Central Europe and Rus' c. 900–1200. Ed. by N. Berend. Cambridge, 2010. 444 p.
- Khardi, Dzh., Bozhanich, S. Sveti Vladari Jovan Vladimir i Boris i Gleb u svetlu njihove istorijske epokhe [The Holy Rulers Jovan Vladimir and Boris and Gleb in the Light of Their Historical Epoch]. In *U spomen i slavu svetog Jovana Vladimira. Kn. 6-1. Medzhunarodni nauchni skup „Sveti Jovan Vladimir kroz vjekove – istorija i predan'e (1016–2016)“, Bar, 15–17. septembar 2016. Godine. Cetinje, 2018. Pp. 117–130.*
- Kostromin, K. Konfessional'naya polikul'turnost' Kievskoi Rusi nachala XI veka [The Confessional Multiculturalism of Kievan Rus' at the Beginning of the 11th Century]. In *Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh*. Saint Petersburg, 2015. Issue 3. Pp. 48–75. DOI: 10.24411/9999-0702-2015-00003
- Kostromin, K. A. Potestarnost' i khristianizatsiya Rusi [A Potestarity and the Christianization of Russia]. In *Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh*. Saint Petersburg, 2017. Issue 7. Pp. 93–101. DOI: 10.24411/2618-9674-2017-00033
- Kostromin, K. Vladari-muchenitsi u slovenskim zemlyama u periodu pokrshtavanya Istochne Evrope [Martyred Rulers in Slavic Countries during the Baptism of Eastern Europe]. In *U spomen i slavu svetog Jovana Vladimira. Kn. 6-1. Medzhunarodni nauchni skup „Sveti Jovan Vladimir kroz vjekove – istorija i predan'e (1016–2016)“, Bar, 15–17. septembar 2016. Godine. Cetinje, 2018. Pp. 81–104.*
- Malmenvall, S. Ruler Martyrs on the Periphery of Medieval Europe: Boris and Gleb of Kievan Rus', Jovan Vladimir of Dioclea, and Magnus Erlendsson of Orkney. Belgrade, 2021. 145 p.

Nazarenko, A. V., Seregina, N. S., Turilov, A. A., Pavlinov, P. S., Florya, B. N., Smirnova, E. S. Boris i Gleb [Boris i Gleb]. In *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, 2003. Vol. 6. Pp. 44–60.

Paramonova, M. Yu. Svyatye praviteli Latinskoi Evropy i Drevnei Rusi: sravnitel'no-istoricheskii analiz vatslavskogo i borisoglebskogo kul'tov [The Holy Rulers of Latin Europe and Old Rus: A Comparative Historical Analysis of the Wenceslas and Boris i Gleb Cults]. Moscow, 2003. 405 p.

Petrov, A. V. Vladimir Svyatoslavich i ego synov'ya v kontekste normannskogo voprosa [Vladimir Svyatoslavich and His Sons in the Context of the Norman Issue]. In *Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh*. Saint Petersburg, 2015. Issue 3. Pp. 8–30. DOI: 10.24411/9999-0702-2015-00001

Podskal'ski, G. Khristianstvo i bogoslovskaya literatura v Kievskoi Rusi (988–1237 gg.) [Christianity and Theological Literature in Kievan Rus (988–1237)]. Transl. by A. V. Nazarenko; Ed. by K. K. Akent'eva. 2nd edition, revised and expanded. Saint Petersburg, 1996. XX, 572 p.

Svatý Václav. Na památku 1100. Výročí narození knížete Václava Svatého. Ed. P. Kubín. Praha, 2010. 450 s.

Svyatye knyaz'ya-mucheniki Boris i Gleb [Holy Princes-Martyrs Boris and Gleb]. Research and preparation of texts by N. I. Milyutenko. Saint Petersburg, 2006. 432 p.

Uspenskii, B. A. Boris i Gleb: Vospriyatie istorii v Drevnei Rusi [Boris and Gleb: Perception of History in Old Rus]. Moscow, 2000. 124 p.

Konstantin A. Kostromin

Saint Petersburg Theological Academy, Saint Petersburg, Russia

NEW RESEARCH ON RULER MARTYRS IN EASTERN AND NORTHERN EUROPE

A monograph by Simon Malmenvall dedicated to the martyrs of Eastern and Northern Europe in the Middle Ages was published in Belgrade in 2021. The study provides a comparative analysis of historical information about St. Boris and Gleb, Jovan Vladimir of Dioclea and Magnus Erlendsson from Orkney. This is the most appropriate time for the appeal to historical plots, the theological meaning and the analysis of sources to appear in historiography, and a detailed analysis of the life of Magnus from Orkney in the context of history of ruler martyrs is valuable for the Russian reader.

Keywords: historiography, Ruler Martyrs, Boris and Gleb, Jovan Vladimir of Dioclea, Magnus Erlendsson